ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ СИМВОЛИЧЕСКОЙ АТРИБУТИКИ РУССКОЙ ДВОРЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Светлана ШАЛБЕРОВА

CZU: 81`37:008"18" shalberova@inbox.ru

Subject of research: the symbolic attributes of Russian noble culture on the templates of the use of the language of flowers (selam) and Masonic signs of the late XVIIIth – first half of the XIXth century. Purpose: to study the influence of the language of flowers and Freemasonry on culture in an aesthetic context of everyday life; to analyze the semantics of the language of flowers and Masonic symbols in Russia at the end of the XVIIIth – the first half of the XIXth century. Key words: symbolic paraphernalia, semantics, cryptography, Masonic signs, adoptive lodges, selam, language of flowers, allegory-bouquet, ladies' album, floriography.

Символическая атрибутика в силу своего широчайшего распространения и транснационального характера вот уже несколько веков оказывает серьезное влияние на культуру человечества. Одним из не особо изученных в научном плане направлений является семантика языка цветов и русского масонства первой половины XIX века.

Символическая атрибутика, в отличие от текста, не обучает пониманию своих компонентов, а помогает извлечь уже имеющиеся знания. В дворянской среде первой половины XIX века тайнопись как некий особый язык приняла форму символическую (цветочная тайнопись) и знаковую (в масонских тайных обществах). Именно знаково–символические функции помогают выявлять заложенные смыслы цветочного шифра и масонских символов. Изучение приёмов шифровки с помощью символов и знаков помогает не только понять тайный смысл историко-бытовых предметов конца XVIII – первой половины XIX века, но и такое «явление», как символический язык, используемый дворянством при коммуникации.

«Язык цветов» культурологи предлагают считать финальной стадией в развитии европейской традиции цветочного символизма. Принесённый в Западную Европу с Ближнего Востока во второй половине XVIII века в виде селама, к началу XIX века этот условный способ общения (под влиянием европейских традиций символизации растений) становится популярным культурным явлением в дворянской среде. В ходе анализа удалось выявить причины использования цветочного шифра (для проявления чувств личности, передачи сообщений эмоционального характера, для выражения оценки разных жизненных ситуаций), сферы его приложения (салонные игры, любовные письма, дамские альбомы,

букеты-иносказания, аксессуары в одежде). Например, на одной из картинок парижской моды 1833 года в журнале князя Шаликова можно рассмотреть на женской шляпе веточку мимозы. Если предположить, что она была использована не только ради красоты, но и со смыслом, то человек, владеющий языком селам, мог расшифровать вполне недвусмысленное сообщение: «Не касайся меня, иначе я для тебя потеряна».

Альбомная графика недостаточно изучена, и, к сожалению, незаслуженно обойдена вниманием исследователей. Выявление разнообразия цветочной символики, которая использовалась в рисунках дамских альбомов, сводилось к перечислениям самых распространенных цветочных стереотипов. Целенаправленного анализа диапазона видов и структур альбомной цветочной эмблематики до сих пор не проводилось. Типологическое исследование альбомной графики в указанном направлении поможет точнее и глубже понять содержание альбомов и избавиться от стереотипа легковесности содержания исторических артефактов. Дамские альбомы – это не просто ботанические зарисовки, а флористические шифрограммы, которые могут дать больше информации о тайных чувствах владелицы альбома и её ближайшего круга. Зная ключи от флориошифра, можно, например, понять, что зарисованный букет красных тюльпанов сообщал, что обладательнице альбома весной кто-то признался в любви.

На одной из страниц дамского альбома начала XIX века, находящегося в фондах Дома-музея А.С. Пушкина, нарисован следующий букет-иносказание, на котором изображены центифольная роза («роза девственной красы»), нарцисс («обманчивые надежды»), тагетис («я буду помнить тебя всегда»), анемон («мне с тобой очень хорошо»), незабудки («помни обо мне»). Можно предположить, что анонимный автор рисунка, сравнивая себя с *розой девственной красы*, сообщает кому-то о том, что ей очень хорошо с кем-то, хотя и признает, что питает обманчивые надежды, но она это чувство никогда не забудет и хотела бы, чтобы о ней не забывали и, вероятно, навещали чаще.

Аллегорические натюрморты дали толчок составлению букетов-иносказаний, букетов-посланий, которые составлялись с опорой на флориографию, а также именных букетов, которые выражали восхищение высокопоставленным лицам. Используя этот приём, мною была выполнена практическая работа – составлен букет «Александр», посвящённый поэту А.С. Пушкину, который находится теперь в постоянной экспозиции Дома-музея А.С. Пушкина в Кишинёве.

Актуальность изучения семантики русского масонства состоит в том, что именно в Российской империи конца XVIII – начала XIX веков слились наиболее полно различные разрозненные масонские течения. Именно в России как нигде в Европе масонство сыграло большую роль в развитии культурной жизни. Масонский орден стал одним из каналов трансляции европейской культуры. Символика масонов проявилась непосредственно в искусстве XVIII–XIX века в архитектуре, живописи и декоративно-прикладном искусстве. По итогам изу-

чения семантики символов и обрядов вольных каменщиков можно утверждать, что вольные каменщики в своих обрядовых практиках не использовали оригинальные символы. Масонские знаки и символы заимствовались из христианства, каббалы, ремесленных союзов, язычества. Однако российские масоны в большей мере, чем европейские, придавали значение христианской символике.

Вопрос участия женщин в масонских ложах до сих пор остается малоизученным. В ходе исследования материала выяснилось, что первая женщина-масон появилась благодаря женскому любопытству. Во Франции во второй половине XVIII века стали появляться адоптивные ложи, в которых братья брали «шефство» над женщинами. В России конца XVIII – начала XIX века также существовали адоптивные масонские ложи: в Митаве (Курляндская губерния, в настоящее время Елгава в Латвии), в Вильне (Виленская губерния – в настоящее время Вильнюс, Литва) и Житомире (Волынская губерния, в настоящее время Украина). Символом адоптивных лож была собак мопс. Изображение мопсов на историко-бытовых предметах того времени, например, на шкатулках, табакерках, статуэтках, портретах, может свидетельствовать о том, что хозяйка не только любила эту породу собак, но и была причастна к адоптивной ложе.

Основные положения, выводы и обосновывающие их данные настоящей статьи были использованы при работе с экспонатами из фондов Дома-музея А.С. Пушкина, в частности, при заполнении «Учётных аналитических карточек экспонатов».

Библиография:

1. Карвелис М.А. Масонская символика в русской культуре XVIII – начала XIX в.: автореф. дис. канд. культурологии. Санкт-Петербург, 2010.
2. Махлина С.Т. Семантика масонских символов. Труды Санкт-Петербургского института культуры и искусств. Санкт–Петербург, 2003.
3. Соколовская Т.О. Масонские рисунки и виньетки. «Старые годы» №1 (январь), 1909.
4. Халтурин Ю.Л. Каббала и орденская символика в интерпретациях русских масонов // Изв. Урал. гос. ун–та. No 4 (70). Сер. 3: Общественные науки. 2009.
5. Шарафадина К.И. «Язык цветов» в русской поэзии и литературном обиходе первой половины XIX века: диссертация д–ра филол. наук: 10.01.01/ К.И. Шарафадина. Санкт-Петербург, 2004.

Recomandat
***Vsevolod CERNELEV**, dr., conf. univ.*